

Двое в комнате: я и Фандорин

Ксения БОНДАРЕВА

нальные черты, а дефицит этих черт. Это как отношения инь и ян — тянемся к тому, чего в тебе нет. В Фандорине есть то, чего нет в русском человеке, — соединение британского джентльмена и японского самурая. Отсюда, я полагаю, и привлекательность.

— Кроме того, вы дали новому русскому то, что есть у его собаки и нет у него самого, — историческую почву.

— Мифологизированную, какой, впрочем, историческая почва всегда и является. Мне понравилось, как Борис Гребенщиков сказал, что я «выдумываю Россию, которую можно любить». Это близко к моему ощущению. Мне необходимо выделить в стране, в которой живу, качества, которые я могу любить лично и персонально. Этих качеств в России немало. И чем дальше живу, тем больше это замечаю. Мы во многом стыдимся своего прошлого. Но нельзя смешивать понятия страны — правительство — государство. Страна для меня — это культура, самая ценная сокровища, которая вырабатывается людьми, живущими на данной территории. А правительства — это пена, накипь.

— Но смотрите, что происходит. Родителям солдат, служащих в Чечне, разрешили

самим приезжать в военные казначейства, получать боевые деньги за детей. И родители едут через всю страну, пишут сыновьям письма с просьбами задержаться на войне, чтобы хоть немного денег еще получить... Это чья нравственность — правителей или народа?

— Чтобы человек был

нравственным, он как минимум не должен бояться за

свою жизнь ежеминутно.

Если базовые условия — еда,

крыша над головой, безопасность — не обеспечены, че-

ловек, как животное, руко-

водствуется рефлексами.

Люди не от хорошей жизни готовы ехать в Чечню за сравнительно небольшими деньгами, которыми оплачивается угроза для жизни их детей. Я не склонен их за это осуждать. Реальность, в которой существуют эти люди, ужасна. Можно ли на-

звать нормальной жизнью то, что происходит во многих углах российской провинции?

Чтобы говорить о чувстве собственного достоинства, о нравственности — обо всем, о чем можем мы позволить себе рассуждать здесь, в благополучной Москве, — должны быть созданы

элементарные материальные основания. И долг власти — создавать условия, при которых люди могут позволить себе чувство собственного достоинства.

В конце нашего долгого, трехчасового разговора «на посошок» задала нашему гостю еще один вопрос: формулировал ли он когда-нибудь,

что значит для него «быть счастливым»?

— Примерно то же, что для всех. Что же касается специфических вещей, которые отличают литератора от иных профессий, мне бы хотелось, чтобы каждая следуюшая книжка была лучше предыдущей.

— А критерий «лучшести» — тираж, пресса, отклики близких?

— Критерий один — сам должен чувствовать... А еще

мне хотелось бы, чтобы люди моего склада, моего ремесла перестали ныть и поняли,

что, если они хотят, они могут!

У меня много друзей, от которых исходит такая творческая вибрация, что дух захватывает.

— Нет леди Эстер, способной открыть им, для чего их предназначили Бог?

— Нет Штолца, который будет стаскивать их с дивана.

● Елена АФАНАСЬЕВА